

УДК 167

DOI: 10.17223/1998863X/59/13

С.Е. Овчинников

ОПИСАНИЕ И ОБЪЯСНЕНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ В РАМКАХ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ А. ДАНТО

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант «Аналитическая философия и современные исследования в области социальной теории», № 18-78-10082.

В статье исследуется проблема соотношения количественных и качественных методов в социологии. Вслед за Г. Блумером мы полагаем, что разрыв между указанными методами возникает вследствие неопределенности социологических понятий, но при этом критически рассматриваем приводимое им решение. Вместо этого предлагается использовать аналитический подход А. Данто, который применяется им для описания философии истории, но, по нашему мнению, с незначительными изменениями может быть применен и в социологии.

Ключевые слова: концептуальный анализ, методология социальной науки, качественный подход, аналитическая философия.

Введение

Постановка физического эксперимента необходимым образом связана с описанием его контекста, а именно, теории, которую исследователь проверяет, и набором теорий, на которые он опирается. Но верно ли это для социологической науки? Достаточно беглого взгляда на крупные социологические исследования (скажем, на те, что приведены на сайте ВЦИОМ или Левада-Центра), чтобы понять, что они опираются на статистику и не привлекают, по крайней мере явно, к формированию «аналитических отчетов» никакую социологическую теорию¹. В то же время теоретические работы по социологии редко обращаются к статистике. Эта проблема не нова. Г. Блумер отмечал разрыв между теорией и практикой в социологии еще в 1954 г., а в качестве главной его причины выделял невозможность формирования дефинитивных² социологических понятий: «Я пытался определить главный источник неполноценности (социологии). Он состоит в трудности приведения социальной теории в тесную и самокорректирующуюся связь с ее эмпирическим миром, чтобы ее предположения относительно этого мира могли проверяться, улучшаться и обогащаться данными этого мира. Эта трудность, в свою очередь, сосредоточена в понятиях теории, поскольку понятие – это основа связи с этим миром, или ворота в него. Неопределенность в понятиях блокирует или препятствует контакту с эмпирическим миром и оставляет теорию в пределах мира воображаемого» [2. Р. 9]. Иными словами, практика социологии имеет

¹ В разделе «Методология» аналитических отчетов отражена, как правило, статистическая методология (см., например, [1]).

² То есть таких, которые для каждого класса задают определенный набор свойств, по которым объект может быть отнесен к данному классу.

дело с обыденными, а не специально сконструированными для познания понятиями, что ограничивает ее описательными теориями, в то время как требуется теория объяснительная¹.

Сегодняшняя ситуация не слишком отличается от описанной Г. Блумером. Разрыв между полевым исследованием и теорией на современном этапе развития социологии преобразуется в дихотомию между количественными и качественными методами: «...для познания „системных“ проблем (социальных институтов как систем) необходимо знание, основанное на количественных данных, их объяснении и формулировке в виде категорий, абстракций. Для познания опыта, переживаний, чувств конкретных людей, их практики – второго ряда проблем – необходимо знание, основанное преимущественно на понимании и интерпретации» [3. С. 13]. Из сказанного можно заключить, что существует представление качественной методологии как «другой» или «параллельной» по отношению к количественной. Но возможно ли познавать социальные системы, не обращаясь к индивидуальному опыту и *vice versa*? Дело представляется таким образом, что объяснительные модели, имплицитно присутствующие в количественной социологии, верифицируются при помощи обращения к конкретным социологическим ситуациям, а концептуализация определенной ситуации зависит от априорной по отношению к ней объяснительной модели, причем последние, как правило, являются контингентными. Таким образом, мы придерживаемся мнения, что должна существовать единая методология, охватывающая как количественные, так и качественные аспекты социальной реальности.

Количественные методы в целом не вызывают особых трудностей, поскольку представляют собой искусство составления опросов и статистической обработки их результатов, неясность возникает на уровне качественных объяснений, последователи которых углубляются в методологические споры. Должна ли методология быть холистской или индивидуалистской? Нужно и возможно ли понимать социологическое действие? Понимание или объяснение является целью социологии? Список можно продолжать. Объединяет эти вопросы то, что все они являются внутренними концептуальными проблемами социологии. В то же время концептуальный анализ может быть применен непосредственно к предметам социологической реальности. Другой аспект обозначенной проблемы заключается в том, что «задача исследования требует как наблюдения, так и передачи результатов анализа этого наблюдения другим» [4. Р. 24], но методология качественного исследования не может быть выражена явным образом до его начала, поскольку «процесс сбора данных никогда не может быть объяснен во всей полноте, потому что эти „полевые истории“ сами являются частью социального процесса, который в своем ежеминутном и ежедневном опыте не поддается повторению» [Ibid.], иными словами, правила изменяются прямо во время игры.

Таким образом, с одной стороны, наблюдается дихотомия между качественной и количественной социологией, а с другой – они взаимозависимы. Как уже отмечалось, Г. Блумер был одним из первых, кто обратил внимание

¹ Под описательными теориями мы, вслед за А. Данто, понимаем такие теории, которые стремятся описать некоторые структуры событий (в случае аналитической философии истории – исторических), а под объяснительными – теории, целью которых является причинное объяснение этих событий.

на концептуальную проблематику социологии. Он также предложил решение указанной проблемы, которое состоит в том, что мостом между практикой и теорией социологии должен стать анализ традиционных понятий социологии, таких как культура, личность, социальный институт, нормы, ценности и т.д. В данной работе мы в целом разделяем подход Г. Блумера, но критически рассматриваем способ, посредством которого он предлагает формировать социологические понятия. Этот способ состоит в сенсibilизации (sensitizing), т.е. в некотором ослаблении формальных требований к понятиям. Вместо сенсibilизации можно использовать аналитический подход к философии истории А. Данто, который, по нашему мнению, с незначительными коррективками применим и к социальной науке.

Герберт Блумер. Что не так с социологией?

Г. Блумер разделяет общепринятую точку зрения на роль понятий в научном исследовании. Научная теория соотносится с эмпирической реальностью посредством понятий. Последние задают класс свойств, обнаружив которые в опыте, исследователь может подвести данный опыт под понятие, тем самым создав представление объекта внутри теории. Проблема же социологии заключается в том, что ее понятия «удивительно расплывчаты» [2. Р. 5]. Это приводит к тому, что для социологической теории почти невозможно проверить истинность ее импликаций, поскольку довольно трудно однозначно соотнести понятия теории с фактами. Столь же проблематично устанавливать связь между самими понятиями, что приводит к всевозможным логическим ошибкам. Таким образом, туманность понятийного аппарата затрудняет кумулятивное развитие теории, в результате возникает множество полностью противоречащих друг другу подходов. С одной стороны, социологи, использующие сугубо количественные методы, а с другой – отрицание возможности социологической науки вообще [5].

В качестве инструмента, позволяющего избежать расплывчатости понятий в социологии, могут использоваться дефинитивные определения, которые однозначно указывают на те признаки, которыми должен обладать объект для его включения в данный класс. Г. Блумер приводит в качестве примера такого определения коэффициент интеллекта, но выражает скепсис относительно полезности подобных концептов для социологического исследования. Его критика дефинитивных определений вкратце сводится к тому, что, поскольку изолированное эмпирическое содержание рассматривается как конституирующее понятие, то его невозможно использовать для познания чего-то, что лежит за пределами этого понятия, что лишает дефинитивные определения эвристической силы [2. Р. 6]. Более того, сказать, что «интеллект есть коэффициент интеллекта», означает либо размывание дефинитивного определения, либо отбрасывание наших интуиций по поводу интеллекта, которые не укладываются в схемы IQ-тестов. Вместо дефинитивных Г. Блумер предлагает понятия «сенсibilизирующие», которые «дают общее чувство референции и руководство для работы с эмпирическими случаями» [Ibid.]. Они не позволяют однозначно осуществить процедуру подведения факта под понятие, но задают интуиции, в рамках которых можно оценивать релевантность данного факта. Иными словами, понятие должно рассматриваться не с точки зрения теоретических критериев, а как объясня-

ющее некоторую практику. Необходимость такого ослабления требований к понятиям оправдывается природой социальной реальности, в рамках которой не существует повторяющихся событий, т.е. каждый социальный факт в некотором смысле уникален, и именно эта уникальность представляет особый интерес для социолога.

Можно выделить два недостатка в данном подходе. Первый, который отмечает и сам Г. Блумер, заключается в том, что поскольку сенсibilизирующие понятия основаны на чувствах, а не на объективных свойствах, то возникают затруднения для передачи понятий другим исследователям. Механизм передачи таких понятий по существу повторяет передачу того, что М. Полани называет неявным знанием [6]. Это приводит к тому, что достижения той или иной социологической школы не выходят за ее пределы. Преодоление этого плачевного состояния требует нахождения баланса между теоретическим знанием, полученным «из книг», и практическим, полученным «в поле». В естественной науке такой баланс есть, поскольку практическое (или неявное) и теоретическое знание сосуществуют и в целом можно утверждать, что первое является подчиненным относительно второго. Попытка рассматривать все понятия как часть неявного знания только усугубит ситуацию, поскольку задает антиинтеллектуальный, в смысле Г. Райла, тренд, т.е. такой, в рамках которого практическое знание рассматривается независимо от теоретического.

Второй недостаток связан с уникальностью социальных явлений и соответствующей гибкостью понятийного аппарата социологии. Идея уникальности, вероятно, берет начало в работах Г. Зиммеля и, в частности, в его утверждении о том, что индивиды, которые придают смысл социальному действию, всегда обобществлены лишь частично: «...некоторыми своими сторонами человек не входит в общество как его элемент, и это образует позитивное условие того, что другими сторонами своего существа он таким элементом является: характер его обобщественности обусловлен или сообусловлен характером его необобщественности» [7. С. 517]. Можно было бы ответить, что предметом социологии являются только уже целиком обобщественные элементы взаимодействия, но ясно, что этого недостаточно: «из этих традиционных предметов общественной науки реальной жизни общества, как она дана нам в опыте, не составить. Здесь требуются бесчисленные промежуточные взаимодействия, еще не ставшие прочными надындивидуальными образованиями, но показывающие общество *in status nascens*» [8. С. 71]. Следовательно, хорошо было бы иметь возможность постоянной корректировки понятийного аппарата. Именно такую цель преследует Г. Блумер, вводя сенсibilизацию, но, представляется, что подобным ходом он не достигает заявленной цели. Чем менее формализовано понятие, тем сложнее изменить его, чтобы включить конкретный, уникальный случай. Более того, главной добродетелью количественных методов признается их успешность в противостоянии субъективности исследователя, но сенсibilизация только увеличит напряжение в противоречии между качественным и количественным исследованием, поскольку сделает социологические понятия более субъективными и менее поддающимися критике внутри сообщества ученых.

По нашему мнению, нужно, наоборот, сделать социологические понятия более точными. Формализованные понятия лучше поддаются критике и кор-

рекции и поэтому являются более подходящими для целей социологии, нежели сенсibiliзирующие, и в то же время ими легко делиться с другими исследователями. Проблема, таким образом, состоит в том, какой путь избрать для уточнения понятий. Обратимся к методологии, которую Р. Карнап называет экспликацией. Она заключается в замене изначально более туманного понятия (экспликанды) более точным (экспликатом). Требуется, чтобы экспликат обладал сходством с экспликандом и большей, по сравнению с экспликандом, точностью, простотой и продуктивностью: «при экспликации цель состоит не просто в перефразировке определяемого в прямой синонимии, но вообще-то в усовершенствовании определяемого посредством очищения или дополнения его значения. Но даже экспликация, хотя она и не является простым отчетом о предсуществующей синонимии между определяемым и определяющим, тем не менее основывается на других предсуществующих синонимиях. Проблему можно рассмотреть следующим образом. Любое требующее экспликации слово включено в какие-то контексты, которые, как совокупное целое, достаточно ясны и точны для того, чтобы их можно было использовать; и цель экспликации – сохранить использование этих привилегированных контекстов, пока уточняется использование других контекстов» [9. С. 28–29]. Например, «красный цвет» может быть эксплицирован при помощи замены на «свет длиной волны ~ 700 ». Ясно, что данный экспликат может быть использован практически во всех контекстах, где мы обычно используем слово «цвет»¹, но при этом факт наличия света с определенной длиной волны может быть установлен с большей точностью и вообще не требует наличия наблюдателя, в то время как разговор о цветах ограничивается чувственными ощущениями. Подобная замена в естественных науках требует специального эмпирического исследования вида: «когда мы наблюдаем красный цвет, то оказывается, что это свет с определенным диапазоном длин волн».

Приводимая Г. Блумером критика дефинитивного понятия интеллекта как коэффициента, вычисленного путем тестирования, на самом деле является аргументом не против дефинитивных определений как таковых, а скорее против некорректного построения отдельно взятого определения. Например, критический тезис, связанный с тем, что IQ не покрывает множество случаев употребления понятия «интеллект», можно было сформулировать следующим образом: «Коэффициент интеллекта не может быть экспликатом интеллекта, поскольку не выполнено требование сходства с экспликандом». Проблема социологических понятий, таких как интеллект, состоит в том, что их контекст значительно шире чувственных ощущений, таких как цвет и прочих, на которые опирается естественная наука. Но тем не менее можно декомпозировать сложное понятие интеллекта на различные способности решать определенные типы задач. Например, способность анализировать геометрические преобразования или находить сходства в сложных фигурах, которая традиционно используется в IQ-тестах, может быть дефинитивным определением некоторого «пространственного интеллекта», а способность управлять своим внутренним состоянием – определением «эмоционального интеллекта». Получив набор различных экспликатов, в дальнейшем можно составить экспликат (или несколько) для интеллекта вообще.

¹ Кроме разве что особого разговора об индивидуальном восприятии цвета или квалиа.

Аналитический подход Артура Данто

Теперь рассмотрим роль, которую понятия могут играть в социологическом исследовании с точки зрения аналитической философии. Как отмечалось ранее, подразумевается, что количественный подход имплицитно содержит в себе некоторые концептуальные установки. Последние, как правило, получены в результате качественного исследования. Но поскольку эти установки довольно неоднозначны, то те описательные теории, которые являются конечной целью количественного исследования, не конгруэнтны объяснительным теориям, лежащим в основе соответствующего качественного подхода. Например, мы знаем, что если люди достаточно недовольны, то они могут выйти на баррикады. Соответствующий опрос общественного мнения может провести индикацию среднего уровня недовольства и заключить, ожидаются ли волнения. Но совершенно очевидно, что средний уровень недовольства может превышать теоретический порог, при этом улицы останутся пустыми, например, за счет того, что недовольство должно быть не только высоко, но и распределено определенным образом среди населения. Соображения последнего вида не могут быть получены непосредственно в процессе опроса, таким образом, ошибочный вывод не связан с недостатком изначальных данных для количественного описания. Можно представить, что в результате полевых исследований социология получила в свое распоряжение описание всех возможных социальных фактов. Ясно, что на этом задача социологии не будет завершена. Потребуется распределение этих фактов по классам для последующего отнесения новых фактов к этим классам и для объяснения взаимодействия между классами, т.е. потребуется объяснительная теория. Таким образом, следует согласиться с А. Данто в том, что «...сначала нужно дать истинное описание некоторого события, а уж потом объяснять его» [10. С. 16]. В этом заключается центральная идея аналитической философии истории, которую мы хотим адаптировать к социологической науке.

Задача объяснения в целом ясна. В соответствии с номологической схемой К. Гемпеля, объяснить – значит подвести под закон или, более точно, связать при помощи закона данное социальное явление с некоторым прошлым социальным явлением. Как и в истории, значение социального факта определяется в ряду других фактов, т.е. во времени. Но значение исторического события связано с будущими относительно него событиями, а значение социального – с прошлыми. Скажем, значение танца шамана для вызова дождя определяется предшествующими практиками этих танцев и отношением к нему членов общества, а значение Октябрьской революции определяется теми историческими событиями, к которым она привела. Следующей важной методологической установкой является то, что объясняются описания, а не сами явления: «Пока нет явного или подразумеваемого из контекста описания, нет смысла требовать объяснения названного явления... Совершенно неясно, что означает требование: „Объясни этот лист бумаги!“», до тех пор, пока не подразумевается, так сказать, какое-то его описание, например, то, что он белый, или находится здесь, или запачкан вареньем» [Там же. С. 104]. Здесь нам потребуется исследование описаний. Их особенность заключается в том, что некоторые из них могут быть объяснены в рамках схемы К. Гемпеля, а

некоторые нет, и, более того, А. Данто заключает, что любое явление может быть описано так, чтобы допускать номологическое объяснение. Мы воспроизведем приводимый им пример, который демонстрирует различные описания одно и того же действия: «Во время последнего *fete national monagasque*, улицы, как и следовало ожидать, были украшены флагами Монако. Но рядом с ними можно было видеть американские флаги. Можно удивиться и спросить, почему это именно американские флаги вывешены вместе с флагами монегасков, а не флаги каких-нибудь других стран, например, Англии, Франции или Германии? Здесь чувствуется потребность в объяснении, по крайней мере, двух вещей: наличие американского флага рядом с национальным флагом и отсутствие флагов других стран. Нам могут дать вполне правдоподобное объяснение: князь Монако женат на американке... Действительно, при таком описании нет закона, связывающего эти два события, однако при подходящем новом описании каждого из этих событий достаточно легко представить закон, который и допускает это новое описание, и сам допустим с его точки зрения. Более того, благодаря новому описанию мы можем сформулировать наше объяснение в виде дедукции. Вот три разных описания события:

А. Монегаски вывесили американские флаги рядом со своими национальными флагами.

В. Монегаски чествовали княгиню американского происхождения.

С. Представители одной нации чествовали княгиню иной национальной принадлежности» [10. С. 210].

Последнее описание приводит нас к законоподобному¹ объяснению, а именно, что княгинь иной национальности обычно дополнительно чествуют. Итак, аналитический метод в социологии состоял бы в том, что необходимо сформулировать описания для двух состояний фрагмента социальной реальности и некоторый законоподобный переход от одного к другому. Для наглядности это можно выразить так: x есть F в момент времени t_1 и x есть G в момент времени t_2 , где $t_2 > t_1$. Чтобы воспользоваться данной тривиальной схемой, потребуется два описания (F и G) и понятие (x), отсылающее к социальному явлению. В вышеуказанном примере F – это вывешивание флагов Монако во время праздника, G – это вывешивание флагов Монако и США, а x – это национальный праздник.

Наиболее проблематичным в данном подходе является эпистемический статус социологических понятий. Насколько оправдано изучение таких явлений, как национальные праздники *per se*, если в действительности они представляют собой сумму индивидуальных установок конкретных людей и именно с познания этих установок должно начинаться социологическое исследование? Так же, как Б. Рассел считает объекты реальности логическими конструкциями из чувственных данных, аналитический подход к социологии предлагает представлять социальные понятия логическими конструкциями из индивидуальных установок и, более того, «вполне может быть, что только посредством верификации с помощью наблюдения определенных предложений, говорящих о конкретных людях, мы способны подтвердить предложе-

¹ Мы используем термин «законоподобный», потому что, в отличие от естественных законов, которые должны приводить к объясняемым явлениям с необходимостью, социальные или исторические законы являются скорее вероятностными.

ния, говорящие о социальных системах» [Там же. С. 125]. Но все индивидуальные установки не могут быть известны исследователю. В таком случае познание национальных праздников заключается, во-первых, в знании по знакомству с по крайней мере некоторыми установками относительно праздников и наций, а во-вторых, в знании по описанию логической структуры понятия «национальный праздник». Эта логическая структура формируется в рамках количественного исследования. Таким образом, в аналитическом подходе количественное и качественное исследования дополняют друг друга, а не являются параллельными методологиями. Необходимы как статистическое исследование индивидуальных установок, так и формирование логической абстракции и ее формализация, чтобы в результате получить социологическое понятие. Далее последнее подвергается корректировкам путем построения дедуктивных следствий и их соотношения с качественными наблюдениями.

Заключение

В целом следует согласиться с Г. Блумером, что проблема дихотомии между качественными и количественными методами в социологии обусловлена неясностью ее понятийного аппарата. Но решение, которое он предлагает, заключающееся в сенсibilизации понятий, т.е. в отнесении их к практическому или неявному знанию, вместо традиционного теоретического рассмотрения, только усугубляет ситуацию. Мы же, напротив, считаем более продуктивным аналитический подход к социологической науке, который позволяет формализовать понятийный аппарат. Данный подход берет начало в классической аналитической философии Б. Рассела и Р. Карнапа, а его применение к философии истории демонстрирует А. Данто. Поскольку историческая наука во многом разделяет проблематику социологии (по нашему мнению, она фактически является социологией, обращенной назад во времени), то подход А. Данто применим и к последней. Идея использования концептуального анализа в социологии, конечно, не нова, но, по нашему мнению, его следует применять не к внутреннеметодологическим вопросам социологии, а к предметам социальной реальности. В этом отношении анализ играет двоякую роль. Во-первых, он выступает в качестве инструмента для сбора первичных данных и, во-вторых, в качестве метода построения и критики социологических понятий.

Литература

1. Волков Д., Гончаров С. Участие России в работе Совета Европы и Европейского суда по правам человека // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2019/10/25/uchastie-rossii-v-rabote-soveta-evropy-i-evropejskogo-suda-po-pravam-cheloveka-2/> (дата обращения: 25.06.2020).
2. Blumer H. What is wrong with social theory? // American sociological rev. 1954. Vol. 19, № 1. P. 3–10.
3. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М. : Добросвет, 1998.
4. Vidich A., Lyman S. Qualitative methods, their history in sociology and anthropology // Handbook of qualitative research / ed. by N.K. Denzin, Y.S. Linkoln. Newbury Park, CA : Sage, 1994. P. 23–44.
5. Hutchinson P., Read R., Sharrock W. There is no such thing as a social science: in defence of Peter Winch. Aldershot : Ashgate, 2008.
6. Polanyi M. The Tacit Dimension. Chicago : University of Chicago Press, 1966.

7. Зиммель Г. Избранное: в 2 т. / под ред. С.Я. Левита. М. : Юрист, 1996.
8. Филиппов А. Ф. Обоснование теоретической социологии: введение в концепцию Георга Зиммеля // Социологический журнал. 1994. Т. 0, № 2. С. 65–81.
9. Куайн У.В. О. С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков / пер. с англ. В.А. Ладова и В.А. Суровцева; под общ. ред. В.А. Суровцева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 24–49.
10. Данто А. Аналитическая философия истории / пер. с англ. А.Л. Никифорова, О.В. Гавришиной. М. : Идея-пресс, 2002.

Stepan E. Ovchinnikov, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: Step.Ovch@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 59. pp. 138–147.

DOI: 10.17223/1998863X/59/13

DESCRIPTION AND EXPLANATION IN THE SOCIAL SCIENCES IN THE FRAMEWORK OF ARTHUR DANTO'S ANALYTICAL PHILOSOPHY

Keywords: conceptual analysis; methodology of social science; qualitative methods; analytic philosophy.

The article explores the problem of the relationship between quantitative and qualitative methods in sociology. Since the quantitative approach claims to identify the structure of sociological reality and the qualitative one to identify causal relationships, it is proposed to consider this problem in the context of the relationship between description and explanation. Following Herbert Blumer, I believe that the gap between these methods arises due to the uncertainty of sociological concepts, but, at the same time, I critically consider the solution he proposes. The latter consists in the sensitization of concepts, which implies that the concept should not be considered from the point of view of theoretical criteria, but as explaining some practice. In my opinion, this leads to difficulties in disseminating concepts within the scientific community, and also does not allow them to be corrected in order to bring them into accordance with practice. Instead, it is proposed to use the analytical approach of Arthur Danto, which he uses to describe the philosophy of history, but with minor changes it could be applied in sociology. At the first stage it is necessary to formulate a description of a sociological phenomenon that allows a nomological explanation in the framework of Carl Hempel's scheme. Danto's central idea here is that any phenomenon can be given such a description (although it may be hard to find). Further, using formalized concepts, which are logical constructions from individual attitudes, an explanation of this phenomenon is compiled by including it in a line of other phenomena already described. As a result, conceptual analysis plays a dual role in the social sciences. On the one hand, it helps to formulate correct descriptions of phenomena, and, on the other hand, it acts as a tool for explaining them.

References

1. Volkov, D. & Goncharov, S. (2019) *Uchastie Rossii v rabote soveta Evropy i evropeyskogo suda po pravam cheloveka* [Russia's participation in the work of the Council of Europe and the European Court of Human Rights]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2019/10/25/uchastie-rossii-v-rabote-soveta-evropy-i-evropejskogo-suda-po-pravam-cheloveka-2/> (Accessed: 25th June 2020)
2. Blumer, H. (1954) What is wrong with social theory? *American Sociological Review*. 19(1). pp. 3–10. DOI: 10.2307/2088165
3. Semenova, V. V. (1998) *Kachestvennye metody: vvedenie v gumanisticheskuyu sotsiologiyu* [Qualitative methods: introduction in humanitarian sociology]. Moscow: Dobrosvet.
4. Vidich, A. & Lyman, S. (1994) Qualitative methods, their history in sociology and anthropology. In: Denzin, N.K. & Lincoln, Y.S. (eds) *Handbook of Qualitative Research*. Newbury Park, CA: Sage. pp. 23–44.
5. Hutchinson, P., Read, R. & Sharrock, W. (2008) *There is no such thing as a social science: in defence of Peter Winch*. Aldershot: Ashgate.
6. Polanyi, M. (1966) *The Tacit Dimension*. Chicago: University of Chicago Press.

7. Simmel, G. (1996) *Izbrannoe* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Yurist.
8. Filippov, A. F. (1994) *Obosnovanie teoreticheskoy sotsiologii: vvedenie v kontseptsiyu Georga Zimmelya* [Justification of theoretical sociology: introduction to the theory of Georg Simmel]. *Sotsiologicheskiy zhurnal – Sociological Journal*. 2. pp. 65–81. (In Russian)
9. Quine, W.V.O. (2003) *S tochki zreniya logiki: 9 logiko-filosofskikh ocherkov* [From a logical point of view: 9 Logico-Philosophical Essays]. Translated from English by V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Tomsk: Tomsk State University.
10. Danto, A. (2002) *Analiticheskaya filosofiya istorii* [Analytical Philosophy of History]. Translated from English by A.L. Nikiforov, O. V. Gavrishina. Moscow: Ideya-press.